

⁵ См.: Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. С. 100 – 101, 163, 164.

⁶ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 716.

⁷ Младшие дети были не только хранителями очага, но и хранителями родовых могил: только Ивану-дураку является покойный отец («Сивка-бурка»).

⁸ См.: Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908. № 68.

⁹ Хомонов М.П. Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ, 1976. С. 57 – 58.

¹⁰ Разделение функций произошло поздно и не повсеместно. Дж. Фрэзер в «Золотой ветви» говорит об африканском племени фан: «Вождь одновременно является знахарем, да еще кузнецом в придачу. Дело в том, что представители этого племени считают ремесло кузнеца священным и заниматься им позволено лишь вождям» (С. 102).

¹¹ Гэсо Пьер-Доминик. Священный лес. Изд. 2-е. М., 1979. С. 181.

¹² Башкорт халык ижады. Т. 2. Өфө. 1959. № 18.

¹³ Сказки и мифы Океании. С. 52 – 53.

¹⁴ Райт Гарри. Свидетель колдовства. М., 1971. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 11.

ВЫРЕЗКА ЗЕМЛИ

Древние формы собственности обладали признаками типологического сходства у самых разных народов. Видимо, это сходство объясняется общими закономерностями исторического развития, а не контактами и не влияниями.

Так, во всем мире движимая собственность появилась раньше, чем недвижимая. Многие народы и по сей день не дошли до принципа частной собственности на землю. Личная собственность на землю впервые в истории возникла в античном Средиземноморье и осталась полностью чужда азиатскому способу производства. Те народы, у которых этот принцип получил развитие (прежде всего индоевропейские), перенесли на законы землевладения более ранние обычаи приобретения и наследования вещей.

Знаменитая максима римского права гласила: «Res nullius cedit rēgno ossuranti» («Ничья вещь поступает в собственность того, кто

первый ею овладел»). Сначала это было законом о найденных вещах и лишь много позже перешло в право захвата земли.

«Вещное право» не было законодательно дополнено правом на недвижимость, а сначала просто включило в себя это последнее. Иными словами, понятия «недвижимости» еще не было, и земля трактовалась как вещь, которую можно взять в руки, передать из рук в руки и даже унести с собой.

В древнегреческой мифологии известен эпизод из истории аргонавтов. Когда они мучились в своих возвратных скитаниях, мудрый певец Орфей посоветовал выйти на берег и посвятить богам неизвестной страны большой жертвенный треножник. Когда аргонавты сделали это, перед ними появился морской бог Тритон и, подняв ком земли, подал его героям в знак гостеприимства.

С этим мифологическим символизмом перекликается более позднее обыкновение древнеперсидских царей-завоевателей, вступая в чужие страны, требовать в знак покорности «земли и воды» (лат. *aquam terramque poscere*). Если сопротивление было невозможно, завоевателю подносили вполне реальный кусок земли (символ страны) и сосуд с водой местной реки (символ человеческой жизни). Это означало безоговорочную капитуляцию, сдачу на милость победителя.

Кусок земли, ком земли означал всю страну, из почвы которой он был взят, по принципу *pars pro tota*: кусок земли – это синекдоха всей земли, имеющая древнее происхождение.

Для получения права на владение землей в раннесредневековой Европе требовалось личное присутствие приобретателя и даже схватывание земли руками. Так, на Британских островах в Средние века акт овладения землей назывался *the seizing* (схватывание). Вступление во владение землей скреплялось тем, что передающий вырезал кусок дерна из передаваемого участка и вручал его покупателю. Без этого *seizing* не имел законной силы.

Трактовка земли как вещи ярко выразилась в исторической легенде о норманнском завоевании Ирландии. В 1015 году норвежский викинг Геремон предпринял морской набег ради захвата северо-восточного берега Ирландии; вместе с ним в набеге участвовал другой вождь, имя которого забыто. Оба викинга заранее договорились, что королем захваченной земли станет тот, кто первым до нее дотронется. Когда они приближались к берегу, корабль

соперника Геремона начал перегонять. Увидев это, Геремон отрубил кисть своей правой руки и бросил ее на берег. Окровавленная рука коснулась земли на несколько секунд раньше, чем на нее ступил соперник Геремона. Условие было выполнено, и Геремон положил начало известному роду О'Нейлов, который сотни лет правил в Северной Ирландии. В гербе провинции Ольстер и по сей день изображена правая рука на серебряном поле – отрубленная рука Геремона. Ясно, что викинги следовали праву, аналогичному цитированной римской максиме «*primo occupanti*», и рассматривали прекрасную страну свободных кельтов как «*res nullius*».

Непонимание права личной собственности на землю явилось основой трагедии башкирского народа в XVIII – XIX веках. Когда русские купцы и прочие частные колонизаторы предлагали башкирским феодалам продать их земли, то эти феодалы с легким сердцем подписывали такие договоры, понимая их как разрешение русским контрагентам селиться на этой земле. В сознании башкир право собственности на землю могло принадлежать только государству, а с русским царем они не ссорились, не воевали, платили дань. Следовательно, их земля оставалась при них – оставалась родовым владением (ибо феодализм у башкир не успел отделиться от родоплеменной системы). Когда же на следующую весну после договора башкиры пригоняли стада на эти земли, их встречала выстрелами охрана, нанятая покупателями; на сторону последних вставали и местные русские власти, действуя по букве закона, дикого и непонятного для башкир. Видимо, Л.Н. Толстой несколько упростил эту проблему в известной притче «Много ли человеку земли надо»: башкиры не могли и помыслить личное землевладение, для них земля могла быть собственностью только рода, племени, государства.

Видимо, это непонимание связано не только с родоплеменной стадией развития общества, но и с экономическими особенностями: у кочевников, скотоводов отношение к земле совсем иное, нежели у земледельцев. Ведь кочевники мыслят землю как простор (кочевое скотоводство нуждается в огромных территориях), а земледельцы – как конкретную почву. Только на основании последнего и может зародиться личная собственность на землю.

Происхождение ее, чрезвычайно древнее, раскрывается через один интереснейший эпизод, приводимый Дж. Фрэнсером со ссылкой

на русского этнографа, изучавшего быт удмуртов: «...Однажды вотяки Малмыжской области из-за ряда неурожаев впали в нужду. Они не знали, что предпринять, и в конце концов решили, что, должно быть, их могущественный, но злокозненный бог Кереметь разгневался на них за то, что не был женат. Тут же делегация стариков посетила вотяков Куры и договорилась с ними по этому вопросу. Затем они возвратились домой, запаслись изрядным количеством водки и, приготовив окрашенную в яркие цвета повозку и лошадей, со звоном колокольчиков – как будто везли домой невесту – отправились в священную рощу Куры. Они весело провели всю ночь за едой и питьем, а наутро вырезали в роще квадратный кусок дерна и забрали его с собой. После этого дела пошли у малмыжских вотяков хорошо, а в Куре – плохо. Разгневанные курские вотяки ругались и грубо обходились с теми из своих земляков, которые согласились на этот брак. «Нелегко понять, – пишет сообщающий об этом автор, – что означала эта брачная церемония. Возможно, как полагает Бехтерев, имелось в виду женить Кереметья на доброй и плодородной Мукильчин, Супруге-Земле, чтобы она могла оказать на него благотворное влияние»¹.

Описанная Фрззером церемония «бракосочетания» Кереметья с землей и перевозки вырезки земли в качестве «невесты» удивительно напоминает вышеописанный британский *seizing*. Передачу вырезки земли и обычай ее схватывания можно понять как реликт более древнего обычая – брака нового хозяина с приобретаемой им землей². Этот обычай зародился в эпоху, когда право еще не выделилось из семейно-родовых отношений. Тогда человек не покупал и не наследовал землю, а женился на ней. В становящейся патриархальной семье право собственности на жену развилось раньше, чем право собственности на землю. Брак в такой семье стал покупкой невесты; затем в формах такого брака развилось право приобретения земли.

Нас интересует прежде всего, как развивались эти обычаи у восточных славян, в частности – в древней Руси.

Частная собственность на землю не получила на Руси такого развития, как в Западной Европе. Русская феодальная собственность была лишь тонким наслоением на огромном комплексе общинного землевладения. Крупные вотчины, в частности остатки княжеских уделов, долгое время отличались от поместий, даваемых за службу;

великий князь мог «испоместить» дворянина, а мог и отобрать поместье. Этот земельный фонд в принципе принадлежал регулярному переделу, и наследование поместий было обусловлено военной службой.

Даже в позднекрепостнический период земля поместья делилась на барскую запашку и общинную землю: первая находилась в собственности помещика, вторая – в коллективной собственности его крепостных (точнее, в их владении, ибо они не могли ее продать). Общинные земли ежегодно подвергались переделу, крестьянская семья владела своими наделами временно, а община – постоянно. Помещик не имел права на плоды крестьянской земли, хотя имел право ее продать вместе с ее владельцами.

Ясно, что обычаи, подобные вырезке земли и ее схватыванию, не могли возникнуть в древней Руси. Тем не менее, вырезка земли отразилась в русском фольклоре, ибо эта синекдоха древнее самой собственности на землю.

Мы имеем в виду пресловутый магический круг, известный не только русскому фольклору. Например, при отыскании цвета папоротника в Иванову ночь человек подвергался нападениям нечистой силы; он должен был очертить вокруг себя палкой по земле и оставаться в кругу до утра, когда демонические силы исчезают. Очерчивание магического круга сопровождалось заклинаниями, память о которых жива в русском языке («наше место свято!»). При этом, видимо, древний славянин призывал на помощь родового покровителя – бога Чура (Щура).

Магический круг, в котором спасается от нечисти одинокий человек, мы находим во многих сказках. С ним связаны представления о том, что нечистая сила не смеет (не может?) переступить границу этого круга. Эта часть пространства как бы выделяется, вырезается из сферы действия стихийных духов: актом очерчивания («вырезания») и произнесением заклинаний человек присваивал себе этот круг земли, отчуждал его от природы, которая (особенно ночью) вся подвластна демоническим силам. Такой акт отнятия части земли от природы являет собой смысловую аналогию с вырубкой и расчисткой участка в лесу под строение дома³. Очерчивание круга (а у малмыжских удмуртов это был квадрат) было первым действием строителя; далее следовало выкапывание земли из этого «чертежа». Как известно, славянские

жилища (там, где почва не была болотистой) были углублены в землю.

Дом строился не только для защиты от холода и зверей, но и от злых духов (собственно, эти понятия не различались). Очерчивание магического круга, как первый шаг построения дома, уже давало защиту от духов. Таким образом, и у славян, не знавших частной собственности на землю, архаически понимаемая вырезка земли означала ее отчуждение, как и у древних греков или малмыжских вотяков (удмуртов).

При сооружении такого древнего лесного жилища очень часто дерн, срезанный с очерченного на земле круга, переносился затем на крышу новопостроенного дома, которая в древности могла быть плоской. Обычай утеплять дома землей (дерном), помещаемым на чердаке, уже под двускатной крышей, сохранялся почти до наших дней.

Этот срезанный дерн на крыше дома приобрел символическое значение в целом ряде обычаев различных народов. Возлагая кусок дерна на голову, первобытный человек как бы носил свой дом на себе, находился под защитой своих домовых духов. Отсюда – одна удивительная деталь в уборе древнеримских фециалов. То была особая жреческая коллегия, ведавшая вопросами войны и мира; неотъемлемым знаком сана фециала был носимый на голове ком священной земли с травой и корнями, вырезанный на Капитолийском холме. Собственно, это был кусок дерна, «крыша» архаического дома, носимая фециалом на голове как знак его неприкосновенности (зародыш дипломатического иммунитета).

Возможно, аналогичным обычаем следует считать славянское обыкновение класть на голову новоизбранного вождя ком земли, как описано у Гоголя в «Тарасе Бульбе» (эпизод избрания Кирдяги кошевым атаманом Запорожской Сечи).

Вырезка земли, магический круг, кусок дерна на голове у фециала или вождя – все это явления одного порядка, пережитки древней стадии собственности на землю, когда она трактовалась наглядно и предметно, в духе архаического конкретного мышления с присущей ему «партиципацией» (сопричастностью). Кусок дерна, ком земли для первобытного человека есть земля в целом, вся эта земля (область, страна); целое и часть при этом не различались. Часть

была тождественна целому. На это отождествление и опирались вышеописанные обычаи.

¹ Фрззер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 167 – 168.

² Практически все сельскохозяйственные народы прошли через стадию аграрных культов, в которых брачное сожителство и половая жизнь людей отождествлялись с земледелием, пахотой, урожаем и т. д., что отразилось в языках этих народов («пахать», «сеять» – значит оплодотворять женщину).

³ Древнейшие на земле жилища людей имели круглую форму (возможно, это связано с представлением о земле как круге). Круглые палеолитические жилища открыты советскими археологами (например, знаменитый дом в селе Костенки, Воронежской области).

СОЛЬ КАК ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СИМВОЛ

1. В глубокой древности люди познакомились с хлоридом натрия – поваренной солью, нашедшей широчайшее применение в приготовлении пищи и медицине. Первобытные народы нередко вели войны за месторождения каменной соли; в эпоху неолита она служила одним из средств одомашнивания оленей, быков, лошадей. До недавнего времени русские крестьяне давали скоту «солонец» – кусок невываренной соли в корыте. Но еще неолитические охотники заметили, что дикие парнокопытные регулярно возвращаются к глыбам самородной соли и лижут их; это наблюдение было использовано для ловли и приручения животных. Это отразилось в фольклоре: так, в ногайской сказке «Соль» мешок служит приманкой для поимки дикой кобылицы¹.

В сказках типа «Чудесная мельница» (АТ 566) похититель ручной мельницы (которая из ничего сама мелет все, что пожелают) не может остановить ее, вследствие чего настоящий владелец получает мельницу обратно. Финалом сказки обычно является приказ молоть соль; по тем или иным причинам эта работа не может быть остановлена, и мельница мелет соль в море; поэтому море соленое. Мотив представляется довольно архаичным, ибо его возникновение по времени должно быть близко к изобретению ручной мельницы (все орудия труда в момент своего появления осмысливались как чудесные, и «неолитическая революция» – это время чудес). В норвежском варианте бедняк выменивает мельницу у чертей в аду за копченый свиной бок². В башкирском варианте сюжетного типа АТ 565 хозяин чудесной мельницы, приказав ей молоть соль,